

Ф.И. Буслаев

Мои досуги

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Ф11

Ф11 **Ф.И. Буслаев**
Мои досуги: Часть 2 / Ф.И. Буслаев – М.: Книга по Требованию, 2012. –
484 с.

ISBN 978-5-4241-4698-5

Собранные из периодических изданий мелкие сочинения.

ISBN 978-5-4241-4698-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Б Ъ С Ъ.

I.

Демоническое начало было однимъ изъ главнѣйшихъ двигателей поэтического одушевленія съ самой ранней эпохи среднихъ вѣковъ и едва-ли не до конца XVIII столѣтїя *. Это начало глубоко вошло въ нравы, убѣжденія и воззрѣнїя христіанскихъ народовъ, а въ искусствѣ и поэзіи явилось оно тѣмъ характеристичнымъ признакомъ, которымъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, художественный міръ христіанскихъ идей отличается отъ искусства классическихъ народовъ. Болѣзненное раздвоеніе, какое почувствовалъ въ себѣ человѣкъ, усмотрѣвъ въ своемъ тѣлесномъ составѣ присутствіе злаго врага своей душѣ, постоянно наводило его на мысль о сопутствующемъ ему демонѣ, постоянно пугало его воображеніе грозными страшилищами и всякую радость растворяло для него горечью ожидаемой вѣчной гибели. Вволно-

* Исторію злаго духа съ древнѣйшихъ временъ по XVIII вѣкъ включительно, съ указаніемъ источниковъ и литературы предмета см. въ *Geschichte des Teufels von Gustav Roskoff*. Leipzig. 1869. Въ двухъ томахъ.

ванное воображеніе не могло уже удовлетворить себя свѣтлымъ міромъ олимпійскихъ типовъ, всегда ясныхъ, снисходительныхъ къ человѣческой слабости и въ самомъ раздраженіи гнѣва не столь ужасныхъ по своему человѣкообразному характеру. Определенные, яркіе очерки пластическаго классицизма не умѣли дать той тѣни, въ которой боязливой совѣсти стали мерещиться злые духи. Искусство должно было создать свѣтотѣнь не только для того, чтобы расширить свои права надъ изображаемою имъ природою, но и для того, чтобы удовлетворить стремленію къ таинственности, которая и возбуждаетъ благоговѣніе, и пугаетъ; и именно этою-то темною полосою, гдѣ находили себѣ пристанище боязливыя мечты разстроенаго воображенія, отличаются по-этическія преданія, возникшія въ средніе вѣка у европейскихъ народовъ и доселѣ воспитывающія воображеніе въ таинственной мечтательности и праздному суевѣрію.

Исторія бѣса въ художественномъ отношеніи имѣетъ различныя ступени своего развитія; и какъ во многомъ другомъ, такъ и по художественной демонологіи нашъ Востокъ существенно отличается отъ западной Европы. Разнообразію жизненныхъ элементовъ и художественной дѣятельности на Западѣ сопутствуетъ и разнообразіе въ представленіи бѣса и въ повѣствованіяхъ о его похожденияхъ; бѣдность поэтическаго творчества на Востокѣ отразилась необыкновенною скудостью въ художественныхъ очертаніяхъ злаго духа.

Уже самое язычество, на которомъ возникла западная цивилизація, давало богатые матеріалы для демонологіи, когда съ водвореніемъ христіанства языческіе боги сошли съ своихъ пьедесталовъ и смѣшались съ темною

ватагою бѣсовъ. Достаточно было бы и одного только Олимпа греко-римскихъ идеаловъ, чтобы придать художественные очерки западному бѣсу; но къ этому классическому преданію присоединилась еще новая, могущественная сила въ языческихъ вѣрованіяхъ нѣмецкихъ племенъ, возродившихъ западныя страны къ новой жизни. Уже въ самомъ составѣ нѣмецкой миѳологіи глубокомысленно отмѣченъ былъ демоническій элементъ въ лицѣ злобнаго Локи, который своимъ присутствіемъ между свѣтлыми богами и своею дружбою и родствомъ съ ними давалъ разумѣть о господствѣ мрачнаго, разрушительнаго начала даже въ высшей средѣ святочитимыхъ идеаловъ. Если Локи стоитъ на срединѣ между языческимъ существомъ и бѣсомъ, принимаемымъ въ смыслѣ христіанскихъ сказаній, то демоническій Грендель англо-саксонскаго эпоса, хотя эпохи еще языческой, отличается безхарактерною смутностью, [нѣкоторою отвлеченностью уже новыхъ идей о зломъ началѣ, навѣянныхъ неясно сознаваемымъ ученіемъ христіанскимъ.

Такимъ образомъ, познаніе добра и зла европейскія племена могли вкусить еще въ своихъ миѳологическихъ преданіяхъ, прежде нежели познакомились въ Библии съ роковымъ райскимъ древомъ; и слѣдовательно, отвлеченное ученіе новой религіи о бѣсѣ легко могли облечь въ конкретные образы своихъ національныхъ идеаловъ.

Независимо отъ этого прямаго перехода творческой фантазіи отъ стараго къ новому, проповѣдники христіанства своими филиппиками противъ языческихъ божествъ особенно много содѣйствовали къ созданію обширнаго цѣгла той миѳологіи, въ которой Юпитеръ, Діана, Венера и другія божества классическаго Олимпа только

перемѣнили свой свѣтлый видъ на темный, и не переставали къ себѣ возбуждать въ грубомъ народѣ даже религиозное вѣрованіе, устрашая воображеніе дѣйствительнымъ своимъ бытіемъ, въ видѣ воплощеній злаго духа.

Сблизивъ отвлеченное ученіе о злѣ съ народными преданіями и классическими формами, западная поэзія и искусство рано сдѣлали страшную фигуру бѣса предметомъ игры для творческой фантазіи. Можетъ быть, для чистоты нравовъ это была опасная игра, но въ отношеніи здраваго смысла сдѣланъ былъ шагъ впередъ. Фавны и сирены перестали казаться дѣйствительными существами новой демонической мифологіи, и въ искусствѣ заняли свое мѣсто, сначала какъ символическіе знаки, а потомъ какъ случайныя формы для художественнаго представленія бѣсовъ. Дантъ не только пользуется древне-христіанскими и романскими преданіями въ изображеніи злыхъ духовъ, которыми населяетъ свой адъ, но и творитъ для нихъ новыя формы, пользуясь классическою мифологіею. Онъ вѣруеть въ догматъ о зломъ началѣ, но уже не можетъ пугаться тѣхъ страшилищъ, которыя создавала его собственная творческая фантазія.

Будучи введенъ въ интересы поэтическаго творчества, бѣсъ долженъ былъ въ западныхъ легендахъ казаться занимательнымъ по затѣйливости и разнообразію своихъ козней, побѣда надъ которыми должна увѣнчивать новымъ ореоломъ благочестиваго героя легенды, и католическая фантазія не щадила своего творчества на самыя живыя и свѣжія краски, въ наивномъ убѣжденіи яркостью поэтическаго, вымышленнаго идеала заставить вѣрить въ его дѣйствительное существованіе; но вмѣсто того

только приучала умъ и воображеніе къ фантастической, опасной игрѣ въ злыхъ духовъ, и подрывала къ нимъ боязливое уваженіе.

Эпоха возрожденія, нанеши ударъ религіозной живописи и замѣнивъ благочестивое умиленіе иконописца болѣе свободнымъ восторгомъ передъ красотою, какого бы происхожденія ни была она, безгрѣшнаго или грѣховнаго,—исцѣлила творческую фантазію отъ болѣзненной бѣсобоязни. Греческій Олимпъ, во всемъ своемъ античномъ величіи, вновь воцарился на плафонахъ и стѣнахъ дворцовъ, а фавны, сложивъ съ себя символическое служеніе злomu духу, стали забавлять игривыми и потѣшными сценами. Католичество дошло въ искусствѣ до своихъ крайнихъ предѣловъ, наивно смѣшавъ святочитимые предметы съ игрушками, сгладивъ всякое различіе въ типахъ Мадонны и Венеры, и возстановивъ античныя права центаврамъ, фавнамъ и другимъ романскимъ символамъ злаго духа.

Впрочемъ, для поддержки благочестія, благонамѣренные люди той эпохи, не находя себѣ помощи въ мастерской художника, прибѣгли къ другимъ средствамъ, чтобъ пугать суевѣрное воображеніе. Подновляя старинныя басни философіею и теологіею своего времени, они вымышляли цѣлые трактаты о демонологіи, приводя въ параграфы курьезное ученье о томъ, при какихъ обстоятельствахъ обыкновенная, смертная женщина можетъ родить ребенка отъ злаго духа и къ какой породѣ существъ относить плодъ такой грѣховной любви и т. п. Особенно въ XVII вѣкѣ распространено было на Западѣ убѣжденіе въ возможности присутствія злаго духа въ человеческомъ тѣлѣ; такъ что кажется, будто наивному

благочестію жаль было разстаться съ бѣсомъ, воочію пребывающимъ на землѣ; и когда его изгнали изъ области искусства, тогда приличіе требовало продлить на землѣ его существованіе, переселяя его въ живыя личности, слывшія колдунами и колдуньями.

Это были не просто одержимые бѣсомъ, по старинному вѣрованію, принятому на Руси, а дѣйствительное воплощеніе бѣса въ человѣческой формѣ *.

* Желающимъ познакомиться лицомъ къ лицу съ ужасомъ мрачнаго суевѣрія, неслыханнаго разврата и всевозможной лжи, обуявшихъ умы въ XVII вѣкѣ, рекомендую изъ обширной литературы по этому предмету одинъ трактатъ, хотя богословско-юридическаго содержанія, но по занимательности не уступающій Боккаччеву «Данамерону». Трактатъ этотъ былъ составленъ монахомъ Синистрари, юрисконсультомъ верховнаго трибунала св. инквизиціи въ Римѣ, на основаніи юридической практики инквизиціоннаго суда и въ руководство при рѣшеніи спорныхъ вопросовъ по дѣламъ объ одержимыхъ бѣсомъ и о состоящихъ съ намъ въ интимныхъ сношеніяхъ. Вотъ заглавіе самой книги: *De la Démonialité et des animaux incubes et succubes, ou l'on prouve qu'il existe sur terre des créatures raisonnables autres que l'homme, ayant comme lui un corps et une âme, naissant et mourant comme lui, rachetées par N. S. Jésus Christ et capables de salut ou de damnation, par le R. P. Luis Marie Sinistrari d' Ameno, de l'Ordre des Mineurs Réformés de l'étroite Observance de Saint-François (XVII siècle). Publié d'après le manuscrit original decouvert à Londres en 1872 et traduit du Latin par Isidor Liseux. Seconde édition. Paris 1876.* Въ переводу приложенъ и латинскій подлинникъ. Книга эта такъ заинтересовала публику, что второе изданіе ея вышло черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ перваго. Справедливость обязываетъ присовокупить, что въ же самое время, когда этотъ католическій монахъ рѣшалъ судьбу людей въ интересахъ дьявола, были уже и такіе просвѣщенные адвокаты, которые своимъ здравымъ смысломъ, человѣколюбіемъ и неустранимостью передъ судомъ инквизиціи, въ официальной защитѣ безсмысленно и облыжно обвиняемыхъ, могли бы сдѣлать честь и нашему времени. Для примѣра назову адвоката Бертелли въ знаменитомъ уголовномъ процессѣ тирольскихъ вѣдьмъ, происходившемъ въ половинѣ XVII вѣка. См. *La Signora di Monza e le streghe del Tirolo, processi famosi del secolo decimosettimo, per la prima volta cavati dalle filze originali per cura del C. T. Dandolo. Milano. 1855.* Впрочемъ, задолго до изданія этихъ официальныхъ документовъ Signora di Monza получила уже всемірную извѣстность благодаря Манцони въ его *Promessi Sposi*.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, историческій ходъ демонологіи въ западномъ искусствѣ и поэзіи. Востокъ остался при однихъ только начаткахъ, которые со временемъ были подновляемы и скрашиваемы позднѣйшимъ европейскимъ вліяніемъ.

II.

Древнѣйшія сказанія, распространенныя на Руси, какъ національнаго, такъ и византійскаго происхожденія, изображаютъ бѣса въ самыхъ общихъ чертахъ, придавая ему только одно отвлеченное значеніе зла и грѣха. Фантазія, скованная догматомъ, боязливо касается этой опасной личности, и упомянувъ о ней вскользь, старается очистить себя молитвою. Самыя изображенія бѣсовъ въ русскихъ миниатюрахъ до XVII столѣтія однообразны, скудны, незанимательны и сдѣланы какъ бы въ томъ намѣреніи, чтобъ не заинтересовать зрителя; и благочестивая публика вполне оцѣнивала эту деликатность миниатюриста, какъ я позволяю себѣ это думать на основаніи очень наивнаго въ русской библиографіи факта.

Фигуры и особенно лица бѣсовъ на миниатюрахъ древнѣйшихъ русскихъ рукописей иногда намѣренно вытерты или запачканы, вѣроятно потому, что читатели не могли равнодушно смотрѣть на эту богомерзкую погань.

Бажется, безъ всякаго пристрастія можно сказать, что пороки и грѣхи древней Руси были до такой степени грубы и пошлы, что не могли дать заниматель-

наго содержанія идеальному типу бѣса. Приятно было бы думать, что малое развитіе древне-русской жизни предохраняло нашихъ предковъ отъ зла и отъ его символическаго выраженія; но синодики, или помянники съ перечнемъ убіенныхъ, потопленныхъ и разными средствами замученныхъ при Иванѣ Грозномъ достаточно говорятъ въ пользу того мнѣнія, что злему духу и на Руси столько же въ старину было дѣла, какъ и въ западной Европѣ.

Сверхъ того, самыя житія русскихъ угодниковъ въ повѣствованіяхъ о чудесахъ, совершаемыхъ надъ проходящими съ вѣрою, свидѣтельствуютъ о пребываніи на Руси тьмы нечистыхъ силъ, вселявшихся въ бѣсноватыхъ, которыхъ отовсюду свозили къ источникамъ исцѣленія. Скорѣе надобно признаться, что звѣрство древне-русскихъ нравовъ отзывалось тупоуміемъ бѣсовъ, въ которыхъ фантазія изображала окружавшую ее дѣйствительность.

Была въ исторіи христіанскаго искусства эпоха, когда звѣрскія преступленія и тупыя, бессмысленныя злодѣйства находили себѣ символическое выраженіе въ фигурѣ демона, не человѣкообразной, а въ чудовищной, звѣриной или полузвѣриной, какъ бы въ соотвѣтствіе звѣрству тупоумнаго грѣха. Эта эпоха выразилась въ такъ называемомъ звѣриномъ (тератологическомъ) или чудовищномъ стилѣ, который на западѣ слыветъ подъ именемъ романскаго, а именно этотъ стиль по преимуществу господствовалъ въ древне-русскихъ орнаментахъ, а также и въ идеяхъ о бѣсѣ, хотя и малевали его у насъ издавна въ византійской формѣ Еѳіопа или чернаго человѣка. Впрочемъ, чтобъ дать понятіе о звѣрствѣ

русскихъ нравовъ XV вѣка, нашедшемъ себѣ символическое представленіе въ образѣ тупоумнаго злаго духа, приведу примѣръ изъ 26-й главы Соловецкаго Патерника. Рассказывается чудо о зарѣзавшейся женщинѣ, дочери одного благочестиваго человѣка, который много лѣтъ провелъ въ Соловецкомъ монастырѣ, и лично зналъ преподобнаго Зосиму. Оставивъ монастырь, этотъ человѣкъ поселился на Шуѣ рѣкѣ и женился. Дѣтей у него была только одна дочь. Когда она подросла, отецъ выдалъ ее замужъ за одного молодого человѣка и взялъ его къ себѣ въ домъ. Молодые нѣкоторое время жили благополучно. «Невидяй же добро дьяволъ», — продолжаетъ сказаніе, — «воздвигъ между ними великую брань». Мужъ, разсердившись на жену, связалъ ей руки, только второпяхъ не очень крѣпко, и вышелъ вонъ изъ избы найти, чѣмъ бы побить несчастную. Тогда стало предъ нею привидѣніе, кознь бѣсовская во образѣ человѣка, и показало ей ножъ, лежавшій подлѣ, сказавши: «Возьми этотъ ножъ и зарѣжь себя, потому что мужъ твой сильно разгнѣвался и хочетъ тебя безъ милости мучить.» Она же, наважденьемъ вражьимъ распутавъ свои руки, схватила ножъ и начала себя рѣзать по горлу и животу. Когда воротился мужъ, нашелъ ее уже всю въ крови, почти безъ дыханія, и чтобъ скрыть это дѣло, рѣшился было бросить ее въ рѣку. Чудесное воскрешеніе этой несчастной, которымъ оканчивается рассказъ, не смягчаетъ мрачнаго тона звѣрской картины русскихъ нравовъ, коснѣвшихъ подъ вражьимъ наважденьемъ византийскаго-романскаго бѣса.

Съ XVII вѣка злой духъ начинаетъ играть въ русскихъ сказаньяхъ уже болѣе развязную роль. Онъ еще

не интересуется собою и не смѣшить, но уже и не совѣстится предстать передъ публикою въ большемъ разнообразіи своихъ качествъ и продѣлокъ. Правда, что историкъ русскихъ нравовъ можетъ собрать и въ древнѣйшихъ русскихъ житіяхъ кое-какія болѣе жизненные черты въ изображеніи бѣса, и, вѣроятно, въ преданьяхъ народа онъ издавна получилъ и у насъ, какъ на Западѣ, болѣе конкретную форму, будучи сближаемъ съ различными мифическими существами, какъ, на примѣръ, въ Муромской легендѣ о Петрѣ и Февроніи онъ играетъ роль эпического змія и того страшнаго огнеяго гостя, который, по народнымъ сказкамъ, похищаетъ или оскверняетъ приведенную отъ вѣнца невѣсту. Но эти жизненные, поэтическія подробности особенно стали господствовать въ литературѣ сказаній только тогда, когда одностороннее вліяніе византійскихъ источниковъ было осложнено у насъ въ XVII вѣкѣ болѣе свободнымъ, легкимъ и поэтическимъ чтеніемъ, переходившимъ съ Запада на Русь въ повѣстяхъ Зеркала Великаго, Звѣзды Пресвѣтлой и другихъ занимательныхъ сборниковъ, которые приучали нашихъ предковъ смѣлѣе смотрѣть на бѣса и даже нѣсколько заинтересоваться его продѣлками болѣе искусной западной работы. Само собою разумѣется, что здѣсь не мѣсто касаться вопроса о томъ, полезно ли для нравственности интересоваться зломъ; но мы уже видѣли, что Русь XV вѣка, еще не смущаемая западными соблазнами, ловко умѣла употреблять на практикѣ услуги злаго демона, хотя вовсе не интересовалась еще его поэтическими похождениями.

Толчокъ, полученный съ Запада, отразился въ русскихъ сказаньяхъ не столько подражаніями и передѣл-